

ЛЕНИН И ВИЛЬГЕЛЬМ II

Новое о германо-большевистском заговоре 1917 г.

1

То, что правительство Вильгельма II с самого начала первой мировой войны финансировало большевистскую пропаганду в России и что Ленин и большевистская партия после падения самодержавия получили от германского правительства огромные суммы денег на ведение пропаганды против Временного Правительства с целью его свержения и замены его большевистским правительством, которое согласилось бы заключить сепаратный мир с Германией, уже давно не было секретом для всех серьезных историков первой мировой войны и русской революции. Уже осенью 1914 г. известно было, что главным посредником между правительством Вильгельма II и украинскими «сепаратистами», с одной стороны, и большевиками, с другой, был русско-немецкий социалист Александр Гельфанд, писавший в русской и немецкой социал-демократической печати под псевдонимом **Парвус**. 24-го ноября 1914 г. парижская группа левых русских социалистов, издававшая тогда газетку «Голос», опубликовала за подписью Троцкого следующую заметку под заглавием «Верно ли это?»:

«Верно ли, что так называемый 'Союз Освобождения Украины', в состав которого входят кое-какие бывшие русские революционеры, состоит на содержании королевско-императорского габсбургского генерального штаба?»

«Верно ли, что 'Вестник' этого Союза, воспроизводящий прокламации со словами: 'Хай живе соціална революція' оплачивается из того же габсбургского источника?»

«Верно ли, что бывший русский революционер г. Микола Троцкий, адрес которого обозначается на немецких бюллетенях Союза, состоит на службе при венской полиции?»

«Верно ли, что эмиссары этого Союза, в оправдание габсбургского доверия и габсбургских ассигновок, разъезжают по Европе в поисках за такими русскими, и в частности кавказскими, революционерами, которые согласились бы свою не-

ненависть к царизму сочетать с любовью к габсбургской короне и особенно к габсбургским кронам?»

14-го февраля 1915 г. в парижской русской газетке «Наше Слово», которая начала выходить вместо «Голоса», закрытого французским правительством, появилась статья того же Троцкого, специально посвященная Парвусу. Статья началась следующими словами:

«В Константинополе русский социалист с интернациональным именем выпустил прокламацию, в которой провозглашает Турцию и ее средневропейских союзников оплотом демократии. В Софии немецкий социал-демократ на русском языке перед болгарской аудиторией защищал младотурецкую идею. Это — Парвус, которого мы в течение ряда лет считали другом, которого теперь вынуждены занести в список политических покойников».

Через две недели после этой статьи в том же «Нашем Слове» (в номере от 28-го февраля 1915 г.) появилась статья под заглавием «Голос Украинской соц.-дем. партии». Эта статья посвящена была номеру (№ 1) газеты «Борьба». И вот такая характеристика «Союза Визволення України» дается в этой статье «Нашего Слова», вполне солидаризирующей с «Борьбой» в оценке «Союза»:

«Союз состоит из бывших членов Украинской С.-Д. Р. П. Донцова, Дорошенко, Меленевского, Скоропись-Иолтуховского и Жука. Союз называется российской организацией, а по существу является организацией австрийской. Большинство членов союза долгие годы жили в Галиции, забыли свое социалистическое прошлое, залезли в болото буржуазной украинской националистической идеологии австрийского типа, за что и были исключены из украинской социал-демократической партии; их организация является агентурой австрийского правительства, которое проявило к ним великую ласку и внимательность, пополнив приличной суммой крон их кассу.

Один из них, Меленевский, есть не кто иной, как бывший тов. Басок, статьи и имя которого изредка встречались на страницах русских социалистических заграничных изданий.

Считая их темными аферистами 'Борьба' объявляет им бойкот.»

2-го апреля 1915 г. в швейцарской соц.-дем. газете «Volkstimme», издававшейся в Сан-Галлене, опубликовано было «Открытое письмо Парвусу в Константинополь» за подписью социал-демократа доктора Я. Фридмана. В нем рассказано было, что Парвус после начала войны издал воззвание

под заглавием «Против царизма» и подписался своим именем. В этом воззвании он утверждал, что «вся вина за войну падает на русское правительство». Германия и Австро-Венгрия, наоборот, представлены настоящими сиротами, которые борются за всеобщую свободу против русского варварства. Это воззвание Парвус поручил распространять не существовавшим русским соц.-дем. организациям, а «Союзу Вызvolення Украины».

В Австрии, писал д-р Фридман, всем известно, что этот «Союз Вызvolення Украины», во главе которого стоят Басок, Скоропись и др. ни в коем случае не революционная организация. Он создан немецкими и австрийскими официальными и полуофициальными кругами и существует благодаря тем деньгам, которые в изобилии притекают через Вену и Берлин. «Что вы находитесь в прямых сношениях с Союзом, — писал д-р Фридман, — мне достоверно известно, так как завербованный работником в эту организацию получает рекомендацию к вам, если он отправляется в Турцию. Недавно вы выпустили также брошюру. Издателем ее объявляется Украинская соц.-дем. Дело идет, насколько я знаю, о «Спилке», которая в действительности не существует и имя которой себе присвоил опять-таки г. Басок... Несмотря на то, что вы русский соц.-дем. и, следовательно, русский подданный, вы как таковой разъезжаете открыто и свободно из Турции на Балканы и оттуда в Вену и Берлин и обратно... Считаете ли вы совместимым с честью и долгом соц.-демократии иметь сношения прямо или косвенно с правительствами чужих держав и против своего государства и своего народа?»

«Открытое письмо» д-ра Я. Фридмана было перепечатано во втором номере журнала «Россия и Свобода», выходящего в Париже под редакцией Григория Алексинского.¹

В середине 1915 г. Алексинский в другом номере журнала «Россия и Свобода» выступил с разоблачением копенгагенской деятельности Парвуса, основавшего там «Институт

¹ Григорий Алексинский, бывший лидер большевиков во Второй Государственной Думе, в течение ряда лет был одним из ближайших соратников Ленина. В 1909 г. он порвал с Лениным, но оставался левым большевиком. Когда вспыхнула война, Алексинский занял ярко оборонческую позицию, окончательно порвал с большевизмом, сблизился с Г. В. Плехановым и тесно сотрудничал с ним все годы войны и весь период февральской революции.

для изучения причин и последствий мировой войны». Алексинский утверждал, что парвусовский институт основан на деньги германского правительства и что его задачей является распространение пораженческой пропаганды в союзных странах, главным образом в России. Изобличение деятельности парвусовского института вызвало печатный отпор со стороны некоторых участников Института (А. Зурабов, В. Перазич и др.), протестовавших против «клеветнических выпадов» Алексинского. Разоблачения Алексинского многим тогда показались мало убедительными. Довольно известный социал-демократический публицист Евг. Смирнов (Гуревич) в 1917 г. рассказал, что в декабре 1917 г. он был за границей (в Стокгольме и Копенгагене) по делам Всероссийского Союза городов и что там он имел возможность ознакомиться с статьями Алексинского, в которых тот обвинял Парвуса и некоторых его товарищей, что они состояли агентами Германии, а также с коллективным протестом против Алексинского группы эмигрантов, среди которых были «старые видные деятели социал-демократической партии, люди несомненно честные и беззаветно преданные нашему общему делу. Кроме того, некоторые другие эмигранты, отрицательно относившиеся к коммерческой деятельности Парвуса, с негодованием отвергали обвинения Алексинского, которые называли «клеветническими и преступными».² Далее Е. Смирнов писал:

«Летом 1915 г. присяжный поверенный М. Ю. Козловский, с которым я до того времени несколько раз встречался в Петербурге в квартире своего хорошего знакомого, известного присяжного поверенного (Н. Д. Соколова), попросил у меня по телефону разрешения явиться ко мне по очень важному делу... Он заявил мне, что Парвус, которого он незадолго до того видел в Стокгольме, поручил ему разыскать меня и предложить мне от его, Парвуса, имени взять на себя постановку и редактирование большого марксистского ежемесячника, на который Парвус может ассигновать несколько сот тысяч рублей. Я выразил удивление, откуда у Парвуса, которого я знал с 1889 года и который жил всегда, насколько мне известно было, исключительно литературным заработком, такие крупные средства. На это Козловский мне ответил, что Парвус нажил большое состояние на поставке хлеба младотурецкому правительству и теперь продолжает увеличивать свои средства

² «Власть Народа» Москва, 7 (20) июля 1917 г.

другими коммерческими предприятиями. Повторяю, я знал Парвуса давно и в его личной порядочности никогда не сомневался. Разоблачениям Амфитеатрова, которые незадолго до того появились в русской печати, я не придавал никакого значения. Но во время революции 1905 года Парвус в течение своей кратковременной деятельности в Петербурге обнаружил некоторую склонность к политическим авантюрам, и многие из нас, его товарищей, с тех пор относились к нему с некоторой осторожностью. Поэтому я попросил Козловского передать Парвусу, которого он, по его словам, должен был вскоре снова увидеть в Стокгольме, что я, к сожалению, слишком занят и взять на себя редактирование большого журнала не могу». В конце года, как указывалось уже, Евг. Смирнов попал в Стокгольм. Здесь его посетил оказавшийся в Стокгольме Козловский — посетил в сопровождении товарища, которого назвал Фюрстенбергом.³ Посетители передали просьбу Парвуса повидаться. Смирнов «наотрез отказался». Через два дня Фюрстенберг и Козловский снова повторили просьбу Парвуса о свидании, и снова Смирнов «отказался от этой чести». На следующий день перед самым отъездом Смирнова в Россию его еще раз посетил Фюрстенберг, обратившийся к нему с просьбой относительно Козловского. Последний-де был юрисконсультom какой-то группы русских промышленников, ведущих переговоры с Парвусом о покупке пароходного дела. Конкуренты той группы, интересы которой представлял Козловский, послали на него донос в департамент полиции, что он якобы является германским шпионом. Департамент полиции запросил посольство в Копенгагене, но, несмотря на благоприятный отзыв последнего, Козловский опасался ехать в Россию. У Смирнова почему-то спрашивали совета, как поступить, и просили повидать в Петербурге Соколова и передать ему просьбу Козловского приехать в Стокгольм. Смирнов просьбу выполнил. «На присяжного поверенного (Н. Д. Соколова), — закончил Смирнов, — рассказ этот, видимо, произвел такое же тягостное впечатление, как и на меня». В Стокгольм он не поехал.⁴

³ Только в 1917 г. Смирнов узнал, что Фюрстенберг и Ганецкий одно лицо.

⁴ С Козловским всё же Соколов продолжал поддерживать столь тесные сношения, что в 1917 г. Козловский, состоявший от большевиков в Исполкоме Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, жил у него на квартире.

В июле 1917 г. Временное Правительство, как известно, предъявило Ленину, Зиновьеву, Ганецкому, Парвусу и др. обвинение в государственной измене и в сношениях с Германией, с которой Россия тогда была в войне, а также в получении денег от правительства Вильгельма II на разложение русской армии и подготовку восстания против Временного Правительства с тем, чтобы Россия вынуждена была заключить сепаратный мир с Германией на выгодных для Германии условиях.

В ответ на напечатанное 22-го июля 1917 г. сообщение прокурора о привлечении их к суду, Ленин в газете «Рабочий и солдат» от 26-го июля, выходявшей вместо закрытой «Правды», писал:

«Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких. Ганецкий, как торговец, служил у Парвуса, ибо они торговали вместе, и целый ряд русских эмигрантов, назвавших себя в печати, служил в предприятых и учреждениях Парвуса»...

«Мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах Ганецкого и Козловского не принимали, но и вообще ни копейки денег ни от одного из названных товарищей ни на себя лично, ни на партию не получили» — утверждали в своем коллективном письме 11-го (24-го) июля Ленин и Зиновьев. И вот член партии Ганецкий, торгующий контрабандным товаром во время войны не только вместе с «рenegатом», но и «агентом» германского генерального штаба, не дающий ни одной копейки партии, почему-то пользуется, как утверждали Ленин и Зиновьев в своем ответе на обвинительный акт, «уважением во всех фракциях, как член Главного Управления социал-демократической партии Польши и Литвы и член объединенного ЦК русских социал-демократов». Подробнее о Парвусе речь будет впереди.

2

Через четыре года после большевистского переворота, знаменитый немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн опубликовал в берлинской газете «Форвертс», центральном органе германской социал-демократии, большую статью, в которой утверждал, что он может с документами в руках доказать, что после падения царского режима в России Ленин получил от правительства Вильгельма II огромную сумму де-

нег на ведение большевистской пропаганды в русской армии и на организацию большевистского восстания.

«Известно, — писал Бернштейн, — и лишь недавно это вновь было подтверждено генералом Гофманом (бывшим тогда главнокомандующим германской армии на Восточном фронте и ведшим в 1918 году переговоры о мире с большевиками в Брест-Литовске — Д. Ш.), что это правительство кайзера, по требованию немецкого генерального штаба, разрешило Ленину и его товарищам проезд через Германию в Россию в запломбированных салон-вагонах с тем, чтобы они могли в России вести свою агитацию. Могут быть различные мнения насчет того, допустимо ли для социалистов принимать такие услуги из таких источников. Но с этим событием связано еще другое событие, которое должно быть еще выяснено.

Ленин и его товарищи получили от правительства кайзера огромные суммы денег на ведение своей разрушительной агитации. Я об этом узнал еще в декабре 1917 г. Через одного моего приятеля я запросил об этом одно лицо, которое, благодаря тому посту, который оно занимало, должно было быть осведомлено, верно ли это. И я получил утвердительный ответ. Но я тогда не мог узнать, как велики были эти суммы денег и кто был или кто были посредником или посредниками (между правительством кайзера и Лениным). Теперь я из абсолютно достоверных источников выяснил, что речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше **пятидесяти миллионов золотых марок**, о такой громадной сумме, что у Ленина и его товарищей не могло быть никакого сомнения насчет того, из каких источников эти деньги шли.

Одним из результатов этого был Брест-Литовский договор. Генерал Гофман, который там вел переговоры с Троцким и другими членами большевистской делегации о мире, в двояком смысле держал большевиков в своих руках, и он это сильно давал им чувствовать».⁵

В другой статье, которая была напечатана в том же «Форвертсе» 20-го января 1921 г., Бернштейн предлагал большевикам или немецким коммунистам, чтобы они привлекли его к германскому суду или к суду Социалистического Интернационала, если они находят, что он оклеветал Ленина. Коммунисты, конечно, Бернштейна ни к какому суду не привлекли. В моей английской книге о Ленине (*Lenin — A biography*,

⁵ Eduard Bernstein. Ein Dunkeles Kapitel. Vorwärts (Berlin), Januar 14, 1921.

Doubleday & Co), вышедшей в Нью-Йорке в 1948 году и переведенной потом на многие языки, в том числе и на немецкий, я перепечатал почти полностью обе статьи Бернштейна и привел целый ряд прямых и косвенных доказательств, подтверждающих утверждения Бернштейна. В своей «Истории русской революции» Троцкий посвятил целую главу «навету», который «Керенский и др. контрреволюционеры» возвели на Ленина и большевиков, что они получали деньги от правительства Вильгельма II. Троцкий там много говорит о французской революции, об антисемитизме, о Христе, о Ньютоне, Маркони и о Распутине. Но ни единым словом он не упоминает статей Бернштейна. Советский историк М. Покровский в своей книге «Интеллигенция в революции» также подробно обсуждает этот вопрос, но и он, как и Троцкий, не упоминает статей Бернштейна, которые в 1921 г. обошли всю мировую прессу.

В конце второй мировой войны американской оккупационной армией в Германии были найдены в пяти замках, расположенных в горах Гарца, архивы германского министерства иностранных дел, в которых хранились документы об иностранной политике Германии с 1867 до 1920 г. Среди этих документов есть тысячи отчетов, писем и телеграмм, касающихся отношений между большевиками и правительством Вильгельма II. Некоторые из этих документов были в 1956 г. напечатаны в лондонском журнале *International Affairs*, потом в 1957 г. в немецкой социал-демократической газете «Форвертс», издающейся в Бонне и в гамбургской демократической беспартийной газете «Die Welt». В том же году в Лейдене, Голландия, вышел под редакцией и с предисловием Вернера Халвега (Halweg) сборник под заглавием *Lenin's Rückkehr nach Russland, 1917* (Возвращение Ленина в Россию в 1917 г.), содержащий целый ряд документов из архива германского министерства иностранных дел, касающихся организации и устройства поездки Ленина в запломбированных вагонах через Германию. Далее, в начале 1958 г. в Лондоне, в издательстве Оксфорд Пресс, вышел на английском языке и с предисловием З. А. Б. Земана сборник германских документов под названием *Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918* (Германия и революция в России 1915-1918 г.г.); наконец, в сентябрьской книжке 1958 г. берлинского журнала «Der Monat» была напечатана пространная статья того же З. А. Б. Земана на ту же тему. Опубликованные документы германского министерства иностранных дел всецело подтверждают, что то, что писали в 1915 г. Алексинский и др. об украинских

сепаратистах, о Парвусе и о его копенгагенском институте, о его роли как главного агента германского генерального штаба, как и все обвинения Временного Правительства по адресу Ленина и его ближайших соратников в получении немецких денег на разложение русской армии, свержение Временного Правительства и подготовку сепаратного мира с Германией, вполне соответствовало действительности.

3

В редакционной статье от 7-го ноября 1957 г. немецкая «Die Welt» писала: «После первой мировой войны ген. Людендорф, бывший глава германского генерального штаба, писал в своей книге «Военные воспоминания»: «Посылкой Ленина в Россию наше правительство взяло на себя особую ответственность. С военной точки зрения поездка (Ленина) была оправдана. Россия должна была пасть».

«Кроме того, — писала «Die Welt», — в продолжение десятиков лет циркулировали слухи, что германское правительство оказывало финансовую помощь большевикам. Теперь мы впервые в состоянии опубликовать выдержки из документов германского министерства иностранных дел, которые подтверждают этот факт. С германской стороны актерами этого странного спектакля, которые выступали как его организаторы или соучастники, были: кайзер Вильгельм II, ген. Людендорф, канцлеры фон Бетман-Гольвег и граф фон Гертлинг, статсекретарь министерства иностранных дел Рихард фон Кюльман, германский посол в Берне барон фон Ромберг, первый германский посол в Москве граф фон Мирбах (убитый 3-го июля 1918 г. в Москве левым с.-р.), его преемник Карл Гельферих и секретарь германского казначейства граф Зигфрид фон Редерн». Газета также сообщала, что архивы германского министерства иностранных дел в начале второй мировой войны были перевезены из Берлина в пять замков в горах Гарца и они сохранились для будущих поколений только благодаря чувству ответственности д-ра Иогана Ульриха, чиновника германского министерства иностранных дел, который с 1938 г. был архивариусом министерства, а в настоящее время является директором архива министерства иностранных дел Западной Германской федеративной республики. В архивах Вильгельмштрассе (министерства иностранных дел) имеются все документы, относящиеся к периоду царствования кайзера Вильгельма II, эпохи Веймарской республики и всех трех русских

революций (1905 года, февральской революции 1917 г. и большевистской революции 1917-18 г.г.).

Из опубликованных документов германского министерства иностранных дел мы узнаем, что германское правительство начало финансировать некоторых русских революционеров-эмигрантов уже в августе 1914 г. сейчас же после объявления войны. Но систематическую и значительную финансовую поддержку отдельные российские революционеры и целые революционные группы начали получать от германского правительства в 1915 г. Так как большинство российских политических эмигрантов тогда проживали в Швейцарии, то германское посольство в Берне стало центральным пунктом, откуда установлены были связи между германским правительством и некоторыми российскими революционерами. Германский посол в Берне, барон Ромберг, был тем, который еще в самом начале войны завязал связи с Лениным, а позже, в 1917 г., заведовал отправкой Ленина и его ближайших сторонников через Германию в Россию. Но раньше чем фон Ромберг связался с большевиками, он, по поручению германского министерства иностранных дел, вошел в контакт с некоторыми членами партии социалистов-революционеров через некоего Цивина-Вайса, который стал платным агентом германского правительства. 24-го августа 1914 г. Ромберг послал германскому канцлеру Бетману-Гольвегу донесение с надписью «Строго конфиденциально! Экстренно!» В этом письме он рекомендовал «назначить агентом для подготовки революции в России некоего социалиста-революционера по прозвищу «Цивин», настоящее имя которого Вайс. Последний был представлен германскому послу австрийским дипломатом бароном фон Генетом, который был членом военного бюро австро-венгерского посольства в Берне». Бетман-Гольвег сразу же ухватился за эту идею и через несколько дней Цивину-Вайсу были отпущены первые 25 тысяч швейцарских франков на ведение «революционной пацифистской» пропаганды как среди русских военнопленных в Австрии и в Германии, так и среди рабочих и крестьян в самой России (подробнее о нем ниже).

Цивин-Вайс, конечно, не был единственным германским агентом, который был на постоянном содержании у немцев. Германское и австрийское правительства имели своих агентов среди русских революционеров, среди украинцев, среди поляков, среди кавказцев и среди большевиков. Но вначале германское правительство не особенно интересовалось Лени-

ным и большевиками по той простой причине, что Ленин тогда не только в самой России, но и среди революционной эмиграции за границей имел сравнительно мало сторонников. «Многие из тех, которые получали деньги от Германии, пишет «Die Welt», считали себя революционерами-идеалистами, которые хотели свергнуть царский режим, и их не интересовало из каких источников будут добыты средства для этой цели. Германское же правительство, объявляя войну России, надеялось, что как только начнутся военные действия и русские армии начнут терпеть поражения на военных фронтах, в России вспыхнет революция. Россия тогда выйдет из войны, и Германии не трудно будет победить Францию и Англию». Но к большому удивлению Вильгельма II, его правительства и генерального штаба объявление войны России имело в России как раз обратное влияние. Не только дворянство, купечество и средние классы, но и огромное большинство интеллигенции в первое время войны проявили большой патриотизм. Даже революционно настроенные петербургские рабочие, которые за несколько дней перед тем, как Германия объявила войну России, начали генеральную забастовку, сразу по получении известия о наступлении войны прекратили забастовку. Большинство русских социалистов сразу же высказалось в том смысле, что обязанностью рабочих и социалистов было защищать Россию и ее союзников, свободные демократические страны Европы, против германских милитаристов и империалистов, которые уже тогда стремились к завоеванию всего мира. Лишь горсть русских социалистов, главным образом тех, которые проживали в эмиграции, открыто высказались за поражение России в войне. Они надеялись, что поражение приведет к революции в России. Другие русские эмигранты-социалисты считали, что рабочие не должны помогать ни одной из борющихся сторон в войне, а должны сосредоточить все свои силы на агитации и пропаганде за немедленный мир без победителей и побежденных. В самой России патриотически настроенные социалисты или «оборонцы», как их вскоре прозвали, были гораздо сильнее и влиятельнее социалистов-«пораженцев» и противников войны. Но за границей «пораженцы» и противники войны или «интернационалисты», как они себя называли, были влиятельнее, чем «оборонцы». И Германия и Австро-Венгрия, конечно, делали все усилия, чтобы использовать агитацию и пропаганду российских «пораженцев» и «интернационалистов» для своих целей и в своих интересах.

4

Как уже выше упомянуто, константинопольское телеграфное агентство в первые же дни объявления войны опубликовало воззвание Парвуса к русским социалистам и революционерам, в котором он сильно нападал на Г. В. Плеханова и других социалистов, выступивших против Германии, обвиняя их в «национализме» и «шовинизме». Парвус призывал российских социалистов и революционеров способствовать поражению России в интересах европейской демократии.

Из опубликованных документов германского министерства иностранных дел мы узнаем, что уже 8-го августа 1914 г. Вильгельм II приказал ассигновать большую сумму денег на революционную про-германскую пропаганду в России. Вскоре после этого был организован с финансовой помощью Германии и Австро-Венгрии вышеупомянутый «Союз Вызvolения Украины». Через этот источник Ленин получил сумму, равную приблизительно шести тысячам долларов на возобновление своей газеты «Социал-Демократ».

Об этом говорит Алэн Мурхэд в своей книге “The Russian Revolution” (Harper Bros., 1958. N. Y.) на стр. 122. В распоряжении Мурхэда были документы немецкого министерства иностранных дел.

8-го января 1915 г. германский посол в Константинополе фон Вагенхейм сообщал в Берлин, что к нему явился Александр Гельфанд (Парвус) с планом, как организовать революцию в России. «Парвус сказал германскому послу следующее: «Российская демократия может достигнуть своей цели только через окончательное свержение царизма и расчленение России на мелкие государства. С другой стороны, Германия не будет иметь полного успеха, если не удастся вызвать в России большую революцию. Но русская опасность для Германии не исчезнет и после войны до тех пор, пока Российское государство не будет расчленено на отдельные части. Интересы германского правительства и интересы русских революционеров таким образом идентичны».⁶

В результате этого интервью и отчета фон Вагенхейма Парвус был вызван в Берлин. Он прибыл в Берлин 6-го марта 1915 г. и немедленно же был принят конфиденциальным советником Бетмана-Гольвега, доктором Фритцем Ритцлером.

⁶ Z. A. B. Zeman. Verbündete wider Willen, “Der Monat” (Berlin) September 1958.

Парвус представил германскому правительству меморандум на 18-ти страницах, который носит название «Подготовка политической массовой забастовки в России» (Этот меморандум полностью напечатан в книге Земана «Германская революция в России 1915-1918 г.»). В нем Парвус излагает подробный план, каким образом вызвать беспорядки в России и подготовить революцию, которая заставит царя отречься от престола, после чего будет образовано временное революционное правительство, которое готово будет заключить сепаратный мир с Германией. В первую очередь Парвус рекомендовал германскому правительству ассигновать большую сумму на развитие и поддержку сепаратистского движения среди различных национальностей на Кавказе, в Финляндии, на Украине, а затем на «финансовую поддержку большевистской фракции Российской социал-демократической рабочей партии, которая борется против царского правительства всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении. Ее вожди направляются в Швейцарию».

Парвус также рекомендовал оказать финансовую поддержку «тем русским революционным писателям, которые будут принимать участие в борьбе против царизма даже во время войны».⁷

Парвус немедленно получил германский паспорт, который дал ему возможность свободно разъезжать по нейтральным странам, а затем министр иностранных дел просил статс-секретаря государственного казначейства выдать Парвусу два миллиона марок «на поддержку русской революционной пропаганды». 11-го марта 1915 г. просьба эта была удовлетворена.

Парвус немедленно отправился в Константинополь для ликвидации своих дел, и в мае 1915 г. он приехал в Цюрих. Там он встретился с Лениным. Вначале Ленин внимательно выслушал планы Парвуса, но не дал ему определенного ответа. Он однако для контакта с ним послал в Копенгаген Ганецкого-Фюрстенберга с инструкцией, чтобы тот вступил в парвусовский Институт и систематически информировал его отсюда о деятельности Парвуса.

6-го июля 1915 г. Германское министерство иностранных дел за подписью фон Ягова просило статс-секретаря государственного казначейства о выдаче пяти миллионов марок

⁷ Z. A. B. Zeman. *Germany and the Revolution in Russia 1915-1918*, p. p. 150-151.

на усиление революционной пропаганды в России. 9-го июля просьба была удовлетворена.⁸ Лишь в конце 1915 г. Ленин в «Социал-Демократе» в очень мягкой форме осудил деятельность Парвуса, назвав его «ренегатом», «социал-шовинистом» и «немецким Плехановым».

5

Ввиду той огромной роли, которую Парвус сыграл в германо-большевистском заговоре 1917 г. я считаю необходимым подробнее остановиться на биографии его. Как уже выше было указано, Парвус, русский подданный, бывший участник первых нелегальных марксистских кружков на юге России, в начале 90-х годов уехал в Германию, издал там на немецком языке серьезную работу, посвященную экономическому положению в России и со временем выдвинулся сначала как один из выдающихся публицистов германской социал-демократии, а потом как один из лидеров ее левого крыла. Либеральная «Франкфуртер Цайтунг» называла его «цепная собака социал-демократии». В широких кругах русских социалистов имя Парвуса стало популярным лишь в 1904 г. благодаря его серии статей под заголовком «Война и революция», которую он в самом начале русско-японской войны опубликовал в социал-демократической газете «Искра», тогда выходившей в Женеве. В этих статьях Парвус предсказал, что Россия непременно проиграет войну, и доказывал, почему поражение русских армий неминуемо приведет к революции в стране. Статьи Парвуса тогда произвели большое впечатление не только на русских социалистов, но также на многих либералов. После этих статей Парвус начал чаще писать в «Искре», которая тогда уже была органом только меньшевистской фракции и выходила под редакцией Ю. О. Мартова, А. Мартынова, А. Н. Потресова, Ф. И. Дана, П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич, Парвус, как и Троцкий, тогда был противником политики и тактики Ленина, и Ленин часто с ним полемизировал. В годы, предшествовавшие первой революции, когда Троцкий был в эмиграции, он подружился с Парвусом, последний тогда имел на него большое влияние. После «кровавого воскресенья» (9-го — 22-го января 1905 г.) в Петербурге и следовавших за этим массовых забастовок-протестов чуть ли не во всех больших городах и промышленных центрах России, Пар-

⁸ Там же, стр. 3-4, 8-10; Halweg, стр. 14.

вус опубликовал в «Искре» статью, в которой он доказывал, что ввиду того, что в России буржуазия еще слаба, крестьяне невежественны и неорганизованы, а рабочие единственный класс, который сравнительно политически сознателен, отчасти также организован, победа народа над старым режимом закончится тем, что политическая власть перейдет в руки пролетариата под руководством социалистов. Вслед за Парвусом и Троцкий начал развивать ту же мысль на страницах «Искры», и оба позднее договорились до того, что после свержения самодержавия пролетариат использует свою силу не только для того, чтобы ввести политическую демократию в стране, но также чтобы превратить политическую революцию в пролог к социальной революции, и эта революция не будет приостановлена до тех пор, пока не будет осуществлена диктатура пролетариата. Эта теория, получившая потом название теории «перманентной революции», была в полном противоречии с тем, что до тех пор проповедовали меньшевики, а именно, что будущая революция в России будет буржуазной революцией, которая закончится тем, что Россия станет демократической республикой или конституционной монархией на английский образец, а диктатура пролетариата дело далекого будущего.

Когда в октябре 1905 года вспыхнула революция в России, Троцкий был в Петербурге, и когда был организован Совет Рабочих Депутатов, он вошел в него как представитель меньшевиков и сразу стал одним из его лидеров. После объявления царем политической амнистии большинство русских эмигрантов-социалистов вернулось в Россию. Приехал в Петербург и Парвус. Он сразу стал одним из редакторов ежедневной меньшевистской газеты «Начало» (остальные члены редакции были Троцкий, Мартов, Мартынов, Дан, Потресов, Е. Смирнов и Ник. Иорданский). В руки Парвуса и Троцкого также перешла маленькая популярная ежедневная газетка «Русская Жизнь», имевшая массовое распространение. В обеих газетах Парвус и Троцкий усиленно пропагандировали идею «перманентной революции». Парвус также принимал активное участие в Совете Рабочих Депутатов. После того, как председатель Совета Хрусталеv-Носарь был арестован, Троцкий занял его место. Вскоре, однако, правительство арестовало и Троцкого вместе с большинством членов Исполнительного Комитета Совета. Оставшиеся на свободе члены Исполнительного Комитета собирались нелегально и пытались продолжать его деятельность. Их руководителем стал Парвус. Совет тогда

объявил новую всеобщую забастовку. Это была уже третья всеобщая забастовка. Население еще не пришло в себя от первых двух забастовок. Либералы и интеллигенция, которые раньше активно поддержали первую забастовку и отчасти вторую, были решительно против третьей забастовки, и они отказались поддерживать забастовщиков. Нужда среди петербургских рабочих с каждым днем всё больше увеличивалась. Совет тогда решил послать в Европу старого революционера, одного из основоположников российской социал-демократии, Льва Дейча, для сбора денег для петербургских революционных рабочих среди западноевропейских социалистов. В Германии Дейчу удалось собрать несколько тысяч рублей. Он дальше Германии не поехал и вернулся в Петербург после того, как прочитал в газетах телеграмму, что московское восстание, на которое революционеры тогда возлагали большие надежды, подавлено правительственными войсками. Собранные им в Германии деньги Дейч передал забастовочному комитету в Петербурге. Вскоре арестованы были и члены забастовочного комитета вместе с членами нелегального Совета, в том числе и Парвус, а после них арестован был и Дейч. После того как Парвус и Дейч просидели несколько месяцев в Петропавловской крепости, они вместе с группой других деятелей Совета были административным порядком сосланы в Сибирь. Парвусу и Дейчу, однако, удалось бежать еще с дороги. Оба вернулись в Петербург, а оттуда скоро уехали за границу. Вскоре после того, как Парвус вновь появился в Германии, против него были выдвинуты обвинения в том, что он, во-первых, растратил большую сумму из кассы петербургского забастовочного Комитета, к которой он, в качестве председателя Совета, имел свободный доступ и, во-вторых, что будучи литературным агентом Максима Горького в Германии, он из гонорара, который он получал от немецких театров, тогда с огромным успехом ставивших пьесу Горького «На дне», присвоил себе около ста тысяч марок. Согласно договору с издательством «Знание» деньги эти должны были быть переданы Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

Для разбора этого дела была назначена не то специальная «партийная комиссия», не то «партийный суд». Заседания этого суда происходили в глубокой тайне в конце 1907 г. или в начале 1908 г. в Германии. Членами «суда» были германские и русские социал-демократы. Дейч был одним из судей и, если не ошибаюсь, одним из членов комиссии или суда был Август Бебель, лидер германской социал-демократии. На суде

в качестве не то обвинителя, не то свидетеля выступил также Максим Горький. «Суд» единогласно решил, что Парвус не должен больше участвовать ни в русском, ни в германском социал-демократическом движении. Поэтому он скоро и переехал на постоянное жительство в Константинополь и до войны не участвовал больше ни в русской, ни в германской социал-демократической печати. Все эти подробности рассказал автору этих строк в 1913 г. Л. Г. Дейч, который тогда жил в Нью-Йорке. С Дейчем я познакомился еще в 1905 году в Женеве. Я тогда был меньшевиком, а Дейч был «министром финансов» меньшевистской фракции. Он устроил меня на работу в экспедицию «Искры» и между прочим познакомил меня тогда и с Парвусом. Когда Дейч в 1912 г. приехал в Нью-Йорк для редактирования ежедневной социал-демократической газеты «Новый Мир», мы встретились тут как старые знакомые и вскоре близко подружился. О суде над Парвусом в печати никогда ничего не было сообщено. За все годы, которые Парвус провел в Турции, имя его ни разу не появилось в русской или германской социал-демократической печати. Лишь незадолго до мировой войны Парвус начал писать корреспонденции из Константинополя в «Киевской Мысли». Но это была частная радикальная газета с социалистическим оттенком, а не партийный орган. Лишь совсем недавно я нашел подтверждение рассказа Дейча о суде над Парвусом в воспоминаниях Горького. «Известный Парвус, — писал Горький, — имел от издательства «Знание» доверенность на сбор гонорара с театров за пьесу 'На дне'. Он получил эту доверенность в 1902 году в Севастополе, на вокзале, приехав туда нелегально. Собранные им деньги распределялись так: 20% со всей суммы получал он, остальные делились так: четверть мне, три четверти в кассу с.-д. партии. Парвус это условие, конечно, знал, и оно даже восхищало его. За четыре года пьеса обошла все театры Германии, в одном только Берлине была поставлена свыше 500 раз. У Парвуса собралось, кажется, 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал в «Знание» К. П. Пятницкому письмо, в котором добродушно сообщил, что все эти деньги он потратил на путешествие с одной барышней по Италии. Так как это, наверно, очень приятное путешествие лично меня касалось только на четверть, то я счел себя вправе указать Ц. К. немецкой партии на остальные три четверти его. Ц. К. отнесся к путешествию Парвуса равнодушно. Позднее

я слышал, что Парвуса лишили каких-то партийных чинов. Говоря по совести, я предпочел бы, чтобы ему надрали уши».⁹

В Турции Парвус, по словам Дейча, скоро стал политическим и финансовым советником младотурков и главным передовиком их газеты. Слухи о том, что Парвус, благодаря своим связям с Германией и Турцией, якобы заработал миллионы на поставках хлеба из балканских стран для германской армии, распространялись главным образом теми российскими революционерами, которые состояли в тайных сношениях с ним и через него получали от германского правительства субсидии на свою пораженческую пропаганду. Все «торговые дела», которыми Парвус в течение войны занимался, в действительности были скрытыми предприятиями германского правительства. Вполне возможно, что в самом начале Парвус действительно из революционных соображений стал пораженцем для России, надеясь, что поражение русских армий в войне приведет к русской революции, которой он всю сознательную жизнь так жаждал. Близко стоявший к Парвусу немецкий социал-демократический журналист К. Хениш (Haenisch) так передавал аргумент Парвуса: «союз между прусскими штыками и российским пролетариатом приведет к падению царского самодержавия, но одновременно исчезнет и прусский полуабсолютизм, как только он лишится тыла русского абсолютизма, служившего ему защитой».

«Я желал победы центральным державам, — писал Парвус в декабре 1919 г. — потому что я хотел предотвратить реакцию победоносного царизма и союзнического империализма и потому, что я считал, что в победоносной Германии социал-демократия будет достаточно сильна, чтобы изменить режим».¹⁰

В начале войны Парвус действовал в согласии с программой большинства германской социал-демократии. Но так как он всегда любил деньги и никогда не был слишком разборчив в средствах, то он вскоре сделался платным агентом германского правительства.

⁹ Максим Горький, Собрание сочинений. Том 17. Москва 1952 г., стр. 8-9.

¹⁰ Z. A. B. Zeman. Verbündete wider Willen, "Der Monat" (Berlin), September 1958.

Парвус был не единственный посредник между большевиками и правительством Вильгельма II. Некоторые большевики в своих воспоминаниях рассказали об этом немало фактов. Так напр., известный большевик А. Г. Шляпников в своей книге «Канун семнадцатого года» пишет:

«Нам, большевикам, международный военный и полицейский сыск и провокация не давали покоя и заграницей. Наши антивоенные лозунги, наша антицаристская революционная деятельность не могли не привлечь внимания правительств стран, воевавших с Россией, с Антантой. Германский империализм первый учел возможности использования в своих интересах нашей активной революционной работы в России. Мы эти намерения предвидели... Попытки проникновения в наши ряды германо-австрийской агентуры имели место уже в первые месяцы войны. И первыми агентами империалистов явились социал-демократы. Нам было известно желание немецкого социал-демократа и купца Парвуса «помочь» нашей революционной работе. Но одного намека на это было достаточно для того, чтобы наши заграничные товарищи прекратили всякие отношения со всеми, кто имел какое-нибудь отношение к Парвусу и ему подобным господам». (Выше мы видели, как заграничные товарищи Шляпникова «прекратили всякие отношения со всеми, кто имел какое-либо отношение к Парвусу»). «В том же Стокгольме, — рассказывает далее Шляпников, — к тов. А. М. Колонтай, а затем и ко мне явился соц.-дем. (эстонец) Кескула. При свидании он спекулировал своими связями и знакомством с товарищем Лениным, Зиновьевым и другими членами наших заграничных центров. Кескула вел себя чрезвычайно странно, высказывался в духе германской ориентации и, наконец, предложил свои услуги, если нам потребуется его помощь в деле получения оружия, типографии и прочих средств борьбы с царизмом. Его образ мыслей и поведение показались нам очень подозрительными, и мы тотчас же почувствовали в нем агента германского генерального штаба и не только отвергли его предложение, но даже прекратили с ним всякие сношения. Связи в Швеции у него были большие. Он имел сношения с финскими «активистами», имел друзей в русском посольстве и в русских банковских страховых кругах. Наш отказ иметь дело с Кескулой не остановил его дальнейших попыток проникнуть при помощи других лиц в нашу среду. В конце 1915 г. мы обнаружили связь секретаря сток-

гольмской группы РСДРП(б) Богровского с Кескулой. Расследованием выяснили, что он получил от Кескулы деньги, но пользовался ими в личных целях. За нарушение постановлений о недопустимости сношений с Кескулой Богровский был исключен из партии... Вскоре нам удалось напасть на новые следы шпионского окружения нашей стокгольмской группы большевиков. Нам удалось напасть на следы связи Кескулы с высланным из Норвегии левым социалистом датчанином Крузе. В 1915-16 г.г. зимой я имел встречу с Крузе в Петербурге в датской гостинице «Дагмара». Его приезд в Россию, мне казался чрезвычайно подозрительным, а его объяснение путаное, только утвердило во мне закравшееся недоверие. Будучи в 1916 г. в Москве у Н. М. Бухариной, я получил еще ряд указаний и сведений, оправдывавших мои подозрения относительно роли и характера деятельности Крузе. Очевидно, не предполагая за собой никаких подозрений, Крузе в Москве предлагал все те средства, которые еще в 1914 г. навязывал нам сам Кескула. Одновременно он пытался использовать наши связи, в частности, данный ему Бухариным адрес Н. М. Бухариной¹¹ для установления сношений с пребывавшими в Москве друзьями Кескулы.

Из опубликованных документов германского министерства иностранных дел мы узнаем, что уже в сентябре 1914 г. германский посол в Берне фон Ромберг через своего агента эстонца Александра Кескулу вошел в сношения с русскими революционерами, жившими в Швейцарии. Фон Ромберг поручил Кескуле представить ему доклад об организациях, идеях и деятельности русских революционеров в Швейцарии и тут вскоре впервые выплыло имя Ленина. Доклад Кескулы от 25-го марта 1915 г., который Ромберг немедленно переслал Бетману-Гольвегу, содержал данные о состоявшемся совещании «русских социалистов ленинского направления» и его решениях: превращение империалистической войны в гражданскую, создание нелегальных организаций повсюду, где правительство и буржуазия объявили военное положение и отменили конституционные свободы, поддержка братания солдат на фронтах, массовые пролетарские выступления, и в особенности приветствие по-

¹¹ В другом месте Шляпников говорит, что Крузе появился у Бухариной, воспользовавшись «случайным знанием адреса». Сама же Бухарина свидетельствовала, что Крузе приехал к ней по поручению ЦК большевиков и что она «виделась с ним часто и подолгу разговаривала».

ражения русской монархии. К этому фон Ромберг от себя прибавил, что для Германии важны в первую очередь решения об образовании «тайных нелегальных партийных организаций» и тезис, согласно которому «совещание высказалось за поражение России». ¹²

В меморандуме от 15-го июля 1915 г., озаглавленном «Внутреннее положение России», Кескула указывал, что Ленин и энергичная деятельность революционных организаций «являются противовесом против опасности образования кадетского министерства». ¹³ В сентябре 1915 г. Кескула вошел в контакт с Лениным. 30-го сентября он представил фон-Ромбергу подробный доклад о своих беседах с Лениным и о программе Ленина. По мнению Кескулы, писал фон Ромберг канцлеру Бетман-Гольвегу, — «необходимо, чтобы мы немедленно же оказали помощь революционерам ленинского движения в России. Он об этом лично доложит в Берлине... Мы должны действовать быстро, прежде чем социал-патриоты возьмут верх... Программа Ленина, конечно, не должна быть опубликована, во-первых, потому что ее опубликование раскрыло бы наш источник, но также и потому, что обсуждение ее в печати лишило бы ее ценности». ¹⁴

Весной 1915 г. Кескула имел в своем распоряжении фонд, равный приблизительно 50-60 тысячам американских долларов, который он получил от германского министерства иностранных дел для финансирования большевистских изданий, пока они агитируют за поражение России в войне. Газетка Ленина «Социалдемократ» печаталась в незначительном количестве экземпляров и на дешевой бумаге. Отдельные экземпляры пересылались в Германию и там фотографическим способом перепечатывались на гильзовой бумаге в типографии германского морского министерства в большом количестве экземпляров. Отпечатанные экземпляры через Кескулу отправлялись в Копенгаген и в Стокгольм, а оттуда пересылались в Россию. ¹⁵

В феврале 1916 г. в длинном письме Кескула жаловался на осложнения, вызванные попыткой Парвуса в конце 1915 г. встретиться с Бухариным. Бухарин, повидимому, отказался видеть Парвуса. В то же время взволнованные русские эми-

21 Werner Halweg. Lenin's Rückkehr nach Russland 1917. S. 8.

¹³ Там же, стр. 9.

¹⁴ Germany and the Revolution in Russia 1915-1918, p. 7.

¹⁵ Der Monat, September 1958.

гранты начали заподозривать Кескулу. Но к тому времени, когда он писал вышеупомянутое письмо, весь вред, согласно Кескулы, был уже поправлен. Кескула писал: «Как беспомощны эти русские, когда дело касается организации для какой-либо цели, можно видеть из того, что Бухарин поносил меня, собирая информацию обо мне, днем бегал по городу искать мой адрес, а ночью не мог спать. В то же самое время прилагаемая мною его брошюра была напечатана на мои деньги, без ведома Бухарина, к его, однако, большому удовольствию». Приложенная к письму Кескулы брошюра Бухарина была озаглавлена «Война и рабочий класс». По мнению Кескулы, она была пригодна для распространения ее среди широких масс, и он рекомендовал Штейнвахсу (агенту германского генерального штаба) напечатать большое издание ее на рисовой бумаге. Кескула также сообщал, что его агент, который имел первоклассные связи и рекомендации, прибыл в Петроград. Самое интересное было, что этот агент Кескулы имел рекомендательное письмо от Бухарина к его жене в Москве.¹⁶ (Это и был тот Крузе, о котором пишет в своих воспоминаниях Шляпников).

8-го мая 1916 г. Штейнвахс в меморандуме министру Бергену сообщал:

«За последние несколько месяцев Кескула установил целый ряд новых связей в России, и он в разное время посылал скандинавских социалистов в Россию с рекомендациями к ведущим лицам, которые так тщательно его информировали о положении в России, что его отчеты, опубликованные после, вызвали восхищение в социалистических кругах северных стран. Он также продолжал поддерживать его исключительно полезный контакт с Лениным, и он передал нам содержание отчетов о положении, полученных Лениным от его конфиденциальных агентов в России. Кескула поэтому должен быть снабжен необходимыми средствами в будущем. Принимая во внимание исключительно неблагоприятные условия денежного обмена, 20 тысяч марок в месяц будет вполне достаточно».¹⁷

Летом 1916 г. сношения между Лениным и Кескулой и немцами были прерваны по причинам, которые до сих пор не выяснены. Получал ли Ленин финансовую поддержку от германского правительства через другого агента — неизвестно. Но как раз в этот период Ленин и Крупская в письмах к своим

¹⁶ Germany and the Revolution in Russia 1915-1918, p. 14.

¹⁷ Там же, стр. 17.

родным и друзьям впервые начали жаловаться на крайнюю нужду. Так Крупская уже 14-го декабря 1915 г. в письме к сестре Ленина Марии писала: «У нас скоро прекращаются все старые источники существования и вопрос о заработке встает довольно остро».¹⁸ Сам Ленин в письме к Горькому от 11-го января 1916 г. писал: «В силу военного времени я крайне нуждаюсь в заработке». А в сентябре 1916 г. в письме к Шляпникову он писал: «О себе лично скажу, что заработок нужен. Иначе прямо поколевать ей-ей! Дороговизна дьявольская, а жить нечем».¹⁹

Получал ли тогда Ленин какие-либо деньги от германского правительства через Парвуса или кого-либо другого — неизвестно, но теперь точно установлено, что поездка Ленина в Россию в апреле 1917 г. в «запломбированном вагоне» через Германию была организована Парвусом.

7

21-го марта 1917 г. (8-го марта по старому стилю, т. е. ровно через неделю после падения самодержавия) германский посол в Копенгагене Брокдорф-Ранцау телеграфировал министерству иностранных дел в Берлине: «Доктор Гельфанд (Парвус), с кем я обсуждал события в России, объяснил, что, по его мнению, конфликт там в настоящее время главным образом между умеренными либералами и социалистическим крылом. Он не сомневается, что последние возьмут верх... Люди в настоящее время стоящие там у власти, повидимому, хотят дальше продолжать войну, и вождями фракции, одобряющей эту политику, являются Милюков и Гучков... Доктор Гельфанд верит, что как только амнистия для политических осужденных вступит в силу, явится возможность работать успешно против Милюкова и Гучкова через непосредственный контакт с социалистами».²⁰

2-го апреля 1917 г. Брокдорф-Ранцау телеграфировал из Копенгагена министерству иностранных дел: «По моему мнению, мы должны, с одной стороны, тайно употребить все усилия, чтобы углубить разногласия между умеренными и край-

¹⁸ Ленин. Письма к родным. Государственное Издательство, 1931 г. стр. 411.

¹⁹ Ленин. Сочинения. 4-е изд. Том 35, стр. 187.

²⁰ Germany and the Russian Revolution, p. 25.

ними партиями, ибо тогда станет неминуема сильная перемена, которая примет формы, неизбежно расшатывающие самое существование Российской империи. Но даже если умеренное крыло останется у власти, я не могу себе представить, что переход к нормальным условиям возможен без крупных потрясений. Тем не менее, я думаю, что с нашей точки зрения было бы предпочтительнее поддерживать крайний элемент, так как это было бы более прямым путем для работы и скорее привело бы к какой-то развязке. Вернее всего мы в состоянии рассчитывать, что в течение трех месяцев распад достигнет той степени, при которой мы сможем военным наступлением сломить силу России». ²¹

В 1928 г. лидер германской социалдемократической партии Филипп Шейдеман, который во время войны поддерживал политику германского правительства, в своих воспоминаниях писал: «Я впоследствии узнал, что поездка Ленина и его друзей из Швейцарии через Германию в Россию была организована доктором Гельфандом (Парвусом), который об этом информировал только нескольких лиц. Нам (т. е. с.-д. вождям Д. Ш.) он об этом ни слова не сказал». ²²

Теперь всё это подтверждено официальными документами из архива германского министерства иностранных дел. В первые же дни после падения самодержавия Парвус через секретаря графа Брокдорфа-Ранцау, Фрица Кахена, и поддержанный депутатом германского Рейхстага Эрцбергером и видным чиновником министерства иностранных дел фон Мальцаном, подал канцлеру Бетман-Гольвегу идею о немедленной отправке Ленина через Германию в Петроград. Хотя Парвус не сходил с Лениным в основных революционных вопросах, он, однако, считал, что «Ленин как гораздо более *rabiaterer Mensch* (агрессивный человек), чем Чхеидзе и Керенский, их отстранит и без замедления будет готов к заключению мира (с Германией)». Брокдорф-Ранцау поддержал Парвуса. 5-го апреля он просил министра иностранных дел Циммермана «лично хорошо принять Парвуса». Позже, 11-го апреля, канцлер Бетман-Гольвег сообщал Вильгельму II, что он тотчас же, как в России вспыхнула революция, поручил германскому послу в Берне фон Ромбергу «войти в сношения с русскими революционерами, живущими в Швейцарии, с целью возвращения их

²¹ Там же, стр. 31.

²² Ph. Scheidemann, *Memoiren eines Socialdemocraten*, 1, 1928, S. 427.

на свою родину и при этом предложить им проезд через Германию».²³

4-го апреля 1917 г. фон Ромберг в зашифрованной телеграмме за номером 603 сообщил министерству иностранных дел в Берлин: «Секретарь социал-демократической партии в Швейцарии Фриц Платтен меня посетил по поручению группы русских социалистов, особенно тех, лидерами которых являются Ленин и Зиновьев, насчет их просьбы получить немедленно разрешение на проезд через Германию для наиболее видных эмигрантов в количестве от 20 до 60 человек. Платтен подчеркнул, что дела в России принимают опасный поворот для мира. Необходимо поэтому сделать все возможное, без всякой потери времени, провезти в Россию местных социалистических вождей, которые там имеют большое влияние».²⁴

Позже видный швейцарский социалист, депутат парламента, Эрнст Нобе, в своих воспоминаниях писал: «Когда я тогда спросил Платтена, каким образом это случилось, что он вел переговоры с германским посольством насчет поездки Ленина и его последователей через Германию, после того как раньше предложили вести эти переговоры Роберту Гримму (бывш. председателю циммервальдской конференции—Д. Ш.), Платтен ответил: «Ты ведь знаешь, Гримм не большевик, а политический противник большевиков, и Ленин потому передумал».²⁵

Ленин избрал своим доверенным лицом Платтена, хотя он о нем как о человеке был «не хорошего мнения».²⁶ Платтен вел все переговоры между Лениным и немцами до отъезда Ленина и его группы. Потом он сопровождал их через Германию в Швейцарию, а оттуда в Россию. Но на русской границе он был задержан, по его словам, «англичанами» и вынужден был вернуться в Швейцарию.

Во время своего пребывания в Стокгольме Ленин пытался перед своими шведскими единомышленниками мотивировать свою поездку в запломбированном вагоне через воюющую Германию. Для этой цели под председательством левого шведского социалиста Карла Линдхагена в гостинице Регина состоялось закрытое собрание. На этом собрании Платтен и Карл Радек, приехавший из Швейцарии вместе с Лени-

²³ Hahlweg, SS, 14-15, 26.

²⁴ Там же, стр. 77-78.

²⁵ Там же, стр. 19.

²⁶ Там же, стр. 18.

ным, дали отчет о переговорах с представителями германской власти, а Ленин просил упомянутых ими имен не публиковать. По словам Пауля Ольберга, корреспондента германского социалдемократического «Форвертса», присутствовавшего на этом собрании, Ленин тогда в Стокгольме «старался создать впечатление, что он и его сторонники не имеют никаких денежных средств, чего на самом деле не могло быть. Независимо от того, имел ли он тогда в своем распоряжении германские деньги, в кругах швейцарской эмиграции было хорошо известно, что Ленин из других источников получал сравнительно большие денежные суммы для партийных целей. Ленин обратился за финансовой помощью к «Стокгольмскому эмигрантскому комитету» для дальнейшего путешествия его самого и его товарищей. Комитет ассигновал ему требуемую сумму. Каково же было удивление членов Комитета, когда Ленин попросил ассигновать ему дополнительных 1000 крон. Это пожелание Ленина было передано Комитету через польского друга Ленина Фюрстенберга-Ганецкого. В Комитете вопрос о том, следует ли удовлетворить просьбу Ленина, вызвал разногласия, но в конце концов просьба была удовлетворена»,²⁷

В 1918 г. Парвус писал, что он был в Стокгольме, когда Ленин там находился, и Ленин отказался лично встретиться с ним. «Я передал ему через нашего общего друга, — писал Парвус, — что теперь прежде всего необходим мир, поэтому необходимо объявить условия мира. Что же он предполагает делать? Ленин ответил, что он не занимается дипломатией, его дело социал-революционная агитация. Я велел передать Ленину: он может агитировать. Но если государственная политика для него не существует, то он станет орудием в моих руках».²⁸

Ленину тогда не было никакой надобности лично встречаться с Парвусом, которого все считали германским агентом. Он из предосторожности поручил Ганецкому и Радеку от его имени вести переговоры с Парвусом, как и с другими германскими агентами.

²⁷ P. Olberg. Lenins Transactionen mit Wilhelm II Regierung, Vorwärts, May 1, 1957.

²⁸ Parvus, Im Kampf um die Wahrheit, Stockholm, 1918, S. 51.

17-го апреля 1917 г. Брокдорф-Ранцау телеграфировал германскому министру иностранных дел Циммерману: «Доктор Гельфанд сегодня вернулся из Стокгольма, где он вел переговоры с русскими политическими эмигрантами из Швейцарии». ²⁹ В тот же день Штайнвахс, представитель министерства иностранных дел в главной ставке, телеграфировал из Стокгольма в Берлин: «Приезд Ленина в Россию успешен. Он работает совершенно так, как мы этого хотели». ³⁰ А 30-го апреля 1917 г. фон Ромберг из Берна сообщал канцлеру Бетман-Гольвегу: — «Сегодня меня посетил Платтен, который сопровождал русского революционера Ленина и его последователей в их поездке через Германию, чтобы от их имени поблагодарить меня за услуги, оказанные им. К сожалению, Платтену запрещено было сопровождать его попутчиков в Россию. Он на границе был задержан английским офицером, который приостановил его разрешение на въезд. Ленину, с другой стороны, по словам Платтена, его сторонники устроили блестящую встречу. Можно сказать, что он имеет за собой три четверти петроградских рабочих. Труднее обстоит дело с пропагандой среди солдат, у которых еще сильно распространено мнение, что мы собираемся атаковать русскую армию. Как пойдет дальше развитие революции, пока еще не ясно. Возможно, что достаточно будет заменить отдельных членов Временного Правительства как Милюкова и Гучкова социалистами. Во всяком случае, абсолютно необходимо притоком из-за границы увеличить число безусловных друзей мира... Из замечаний Платтена стало ясным, что у эмигрантов нет достаточных средств для ведения своей пропаганды, в то время как средства их врагов безграничны. Фонды, которые были собраны для них, попали главным образом в руки социал-патриотов. Я постараюсь при помощи агента расследовать деликатный вопрос, возможно ли будет предоставить им эти средства так, чтобы их не смутить. А пока я был бы благодарен за сообщение по телеграфу о том, получают ли уже революционеры финансовую поддержку какими-либо другими путями». На докладе фон Ромберга есть следующая заметка представителя канцелярии Пурталеса: «Я говорил с Ромбергом.

²⁹ Germany and the Russian Revolution, P. 50.

³⁰ Там же, стр. 51.

Этим вопрос, поднятый последним предложением его отчета, исчерпан».³¹

10-го мая товарищ министра иностранных дел Штумм телеграфировал германским послам в Берне и в Стокгольме: «Пожалуйста, обратите внимание возвращающихся в Россию эмигрантов, через подходящих агентов, чтобы они потребовали от своего правительства опубликования тайных договоров, заключенных между старым русским режимом и Англией и Францией».³²

Как известно, это требование наряду с требованием отставки Милюкова и Гучкова, вскоре стало одним из главных требований большевиков и тех групп, которые шли в их форватере. Немецкая агентура проникла и в круги, занятые тогда идеей созыва в Стокгольме конференции социалистических партий воюющих и нейтральных стран для выработки условий мира. В телеграмме германского министра Циммермана германскому посланнику в Стокгольме от 9-го мая 1917 г. сообщалось: «Доктору Гельфанду (Парвус) пожаловано прусское подданство. Он едет через Копенгаген в Стокгольм, куда он прибудет через несколько дней с целью работать в наших интересах на предстоящем социалистическом конгрессе».

29-го сентября 1917 г. новый германский министр иностранных дел фон Кюльман телеграфировал представителю министерства в главной ставке о подрывной работе министерства внутри России: «Наш главный интерес, — писал фон Кюльман, — это усилить, насколько возможно, националистические и сепаратистские стремления и оказывать сильную поддержку революционным элементам. Мы теперь заняты этой работой в полном согласии с политическим отделом генерального штаба в Берлине (капитан фон Хильзен). Наша совместная работа дала осязательные результаты. Без нашей беспрерывной поддержки большевистское движение никогда не достигло бы такого размера и влияния, которое оно сейчас имеет. Всё говорит за то, что это движение будет расти и то же самое можно сказать о финляндском и украинском движениях независимости. Приготовления к восстанию в Финляндии идут усиленным темпом и, как известно Верховному ко-

³¹ Germany and the Russian Revolution, p.p. 52, 53.

³² Hahlweg, S.S. 114-115;

мандованию армии, поддерживается нами (Германией) в значительной степени».³³

Интересно, что 9-го мая 1917 г. советник германского посольства в Берне от имени фон Ромберга запрашивал министерство иностранных дел в Берлине, имеют ли его агенты связи в России не только с Лениным и его группой, но также и с лидерами партии социалистов-революционеров, с Черновым и его товарищами? Ответ получился 12-го мая. Он гласил: «Я не имею никаких связей с ними».³⁴

9

3-го декабря 1917 г. министр иностранных дел фон Кюльман сообщил представителю министерства при главной ставке: «Разрыв Антанты и последующее за тем создание политических комбинаций, благоприятных нам, продолжает быть самой главной целью нашей дипломатии. Россия оказалась самым слабым звеном во вражеской цепи. Нашей задачей поэтому было постепенно ослабить ее и, когда станет возможно, устранить ее. Это была цель той подрывной деятельности, которую мы могли вести в России за линией фронта — в первую очередь поощрение сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Лишь тогда, когда большевики начали получать от нас постоянный приток фондов через разные каналы и под различными ярлыками, они стали в состоянии поставить на ноги их главный орган «Правду», вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкий базис своей партии. Большевики теперь пришли к власти. Как долго они ее удержат — невозможно предвидеть. Им необходим мир для того, чтобы укрепить свою собственную позицию. С другой стороны, это всецело в наших интересах использовать период, пока они у власти, который может быть коротким, для того, чтобы добиться прежде всего перемирия, а потом, если возможно, мира. Заключение сепаратного мира означало бы достижение желанной военной цели, а именно — разрыв между Россией и ее союзниками».³⁵

Из опубликованных документов германского министерства иностранных дел мы впервые узнаем, что и после прихода Ле-

³³ Germany and the Russian Revolution, p. 70.

³⁴ Там же, стр. 54.

³⁵ Там же, стр. 95.

нина к власти Германия потратила десятки, а может быть и сотни миллионов марок на то, чтобы не допустить падения большевистской власти. Уже 28-го ноября 1917 г., т. е. через три недели после захвата власти большевиками, германский товарищ министра иностранных дел Буше телеграфировал министру в Берн: «Согласно информации, полученной здесь, правительству в Петрограде приходится бороться с большими затруднениями. Желательно поэтому, чтобы им были посланы деньги».³⁶ 17-го мая 1918 г. германский посол в Москве Мирбах в телеграмме министру иностранных дел сообщал: «Я всё еще стараюсь противодействовать усилиям союзников и поддерживать большевиков. Я, однако, был бы признателен за получение инструкций насчет того, оправдывает ли общее положение трату больших сумм в наших интересах». На это 18-го мая последовал ответ фон Кюльмана: «Пожалуйста тратьте большие суммы, так как весьма в наших интересах, чтобы большевики остались у власти. Фонды Ритцлера в вашем распоряжении. Если нужны еще деньги, пожалуйста телеграфируйте, сколько».³⁷ Мирбах не верил в устойчивость большевистской власти. 30-го апреля 1918 г. он писал канцлеру Бетману-Гольвегу: «Власть большевиков в Москве подерживается, главным образом латышскими батальонами, и к этому еще большим числом броневых машин, реквизированных правительством, которые беспрерывно летают по городу и могут немедленно доставить солдат на опасные места, если нужно».³⁸

3-го июня 1918 г. Мирбах телеграфировал министерству иностранных дел: «Из-за сильной конкуренции союзников нужны 3 миллиона марок в месяц». 5-го июня фон-Кюльман послал заведующему государственным казначейством графу Редерну меморандум, полученный им от советника посольства в Москве Траутмана, в котором, между прочим, сообщалось: «Из-за последних усилий союзников в России убедить Совет Рабочих Депутатов (Съезд Советов?) принять требования Антанты (что могло бы привести к ориентации России в сторону союзников), граф Мирбах вынужден истратить значительные суммы, чтобы предотвратить принятие какой-либо резолюции в этом направлении». (Иначе говоря, часть депутатов Совета или Съезда Советов была куплена немцами, чтобы они голосовали за непринятие предложений союзни-

³⁶ Germany and the Russian Revolution, p. 93.

³⁷ Там же, стр. 128.

³⁸ Там же, стр. 121.

ков. Д. Ш.). Далее в этом меморандуме Траутман сообщал: «Фонд, который мы до сих пор имели в своем распоряжении для распределения в России, весь исчерпан. Необходимо поэтому, чтобы секретарь имперского казначейства предоставил в наше распоряжение новый фонд. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, этот фонд должен быть, по крайней мере, не меньше 40 миллионов марок».³⁹

Из опубликованных документов ясно, что кроме Парвуса, Ганецкого и Радека, действовавших как непосредственные агенты Германии или Австро-Венгрии, Христиан Раковский, бывший впоследствии председателем Совета Народных Комиссаров Украины, а потом советским послом в Париже, также был тесно связан с германским правительством с самого начала войны. В телеграмме германского товарища министра иностранных дел Буше представителю министерства при главной ставке от 17-го ноября 1917 г. сообщается: «Кристо Раковский, румынский социалист, родившийся в Болгарии, издает русскую социалистическую газету в Стокгольме. Раньше он был связан с нами и работал для нас в Румынии».

Дальше в примечании указано, что в 1915 г. Буше был германским посланником в Бухаресте. Раковский тогда тоже проводил большую часть своего времени там, будучи лидером румынской социалистической партии и редактором ее газеты. 13-го января 1915 г. Буше телеграфировал германскому министерству иностранных дел: «Лидер румынских социалистов Раковский, имеющий тесную связь с итальянскими социалистами, хочет начать в печати и на публичных собраниях агитацию против вступления Румынии в войну против центральных держав. Я в состоянии дать им деньги в незаметной форме. Я считаю это важным делом, и прошу одобрить ассигновку в 100.000 лей для этой цели. Я должен иметь ответ раньше пятницы утром».

Через день товарищ министра телеграфировал Буше свое согласие на это. Посредником между Раковским и германским правительством опять-таки был Парвус.⁴⁰

10

Книга Земана «Германия и русская революция 1915-1918 г.» содержит всего 136 документов. Это очень незначительная часть документов о большевиках из архива германско-

³⁹ Там же, стр. 133.

⁴⁰ Там же, стр. 85-86.

го министерства иностранных дел. Даже некоторые очень ценные документы, уже опубликованные в других изданиях, отсутствуют в этой книге, как напр., донесение Брокдорфа-Ранцау министерству иностранных дел о парвусовском «Институте» в Копенгагене. «В институте, — писал в 1915 г. Брокдорф-Ранцау, — занято восемь человек. Кроме того, Парвус имеет ряд доверенных лиц в самой России... До сих пор можно было так осторожно всё устроить, что часто даже сами служащие организации (института) понятия не имели, что за ним скрывается наше правительство».⁴¹ Отсутствует в книге также собственноручная расписка Парвуса от 29 декабря 1914 г. следующего содержания: «Получено от германского посла в Копенгагене миллион рублей в облигациях для усиления революционного движения в России».⁴² Отсутствуют и некоторые документы, опубликованные в газете «Die Welt» и в американском журнале «Life». Из некоторых очень ценных документов в книге приведены лишь несколько слов в подстрочных примечаниях, напечатанных мельчайшим шрифтом. Так, например, в примечаниях на странице 92 указано, что возможно, что часть денег, ассигнованных немцами для оказания влияния на русскую печать в пользу Германии и мира, через Колюшко (известный журналист, писавший в «Русском Слове» под псевдонимом **Баян**, во время войны был агентом Германии — **Д. Ш.**) досталась газете Максима Горького «Новая Жизнь». Так, в одном из документов сообщается: «Газета 'Новая Жизнь' начала выходить только теперь (май 1917 г.), поэтому можно предположить, что наш друг (Колюшко — **Д. Ш.**) связан с этим. Он вероятно предоставил Горькому работать по чисто социалдемократической линии, чтобы держать «Луч» в резерве для себя самого».

Как известно, политическим редактором «Новой Жизни» был Ник. Суханов. В газете сотрудничали многие большевики. Газета резко критиковала политику Временного Правительства и меньшевистско-эсэровского большинства Совета. Вплоть до большевистского переворота она отказывалась верить, что большевики готовят вооруженное восстание для захвата власти с тем, чтобы учредить диктатуру своей партии. «Новая Жизнь» также усердно защищала Ленина от «наветов», которые якобы возводила на него «буржуазная и социал-патриотическая печать». После большевистского переворота «Новая

⁴¹ Lenin's Transactionen mit Wilhelm II Regierung. Vorwärts, May 1, 1957.

⁴² Там же.

Жизнь» стала в явную оппозицию к большевистской власти и никто так сильно не бичевал Ленина-Троцкого и Ко, как Максим Горький в «Новой Жизни». Большевистская печать конечно, не оставалась в долгу. Она нападала на Горького и наконец поставила ему лукавый вопрос: не скажет ли он, на какие деньги издается его газета? Горький немедленно ответил на это. В статье «Сотрудникам Правды», «Северной Коммуны» и другим» («Новая Жизнь», 2-го мая 1918 г.) он писал: «Новая Жизнь» организована мною на деньги, взятые заимообразно у Э. К. Груббе в количестве 275 тысяч рублей, из которых 50 тысяч уже уплачены кредитору, остальную сумму я мог бы уплатить давно уже, если бы знал, где живет Э. К. Груббе. Кроме этих денег, в газету вложена часть гонорара, полученного мною с «Нивы» за издание моих книг. Все эти деньги переданы мною А. Н. Тихонову, фактическому издателю «Новой Жизни». В займе, сделанном мною на организацию газеты я не вижу ничего позорящего ее и считаю обвинение ее в продажности — полемической подлостью».

Вполне можно предположить, что Груббе и был посредником между Кольшко и Горьким. И разумеется Горький, конечно, не мог даже знать о настоящем источнике денег. Это, однако, не исключает возможности, что кое-кто из видных сотрудников «Новой Жизни» был связан с германской агентурой.

Другой пример. В 1918 г. Государственный Департамент в Вашингтоне опубликовал книгу под названием «The German-Bolshevik Conspiracy», которая содержала целый ряд документов о сношениях между германским правительством и армией и большевиками. Книга эта получила название «Документы Сиссона» (The Sisson Documents). Большевики, а потом и германское правительство в 1919 г. объявили эту книгу «сплошным подлогом» (wholly fraudulent). В 1956 г. известный американский дипломат Джордж Ф. Кеннан в своей статье, посвященной «Документам Сиссона» пришел к тому же заключению. Но в подстрочном примечании в введении к книге «Германия и русская революция 1915-1918 г.», на странице X, приведена следующая фраза из доклада Вайсмана, германского «Государственного Комиссара Общественного порядка» в 1921 г. по поводу переиздания этих документов в 1919 г. в Швейцарии: «Документы этой брошюры были **частью** поддельны» (partly forged). Это значит, что частью документы были подлинны.

Третий пример. На стр. 71, опять-таки в подстрочном примечании, приведена краткая выдержка из телеграммы Люден-

дорфа от 6-го октября 1917 г., в которой он отмечает подвигную работу в России германского министерства иностранных дел и политического отдела Генерального Штаба, благодарит «за ассигнование больших денежных сумм на это и подчеркивает ценность этой работы, в особенности в Финляндии». Зато в книге Земана есть целый ряд таких документов, которые не представляют абсолютно никакого интереса. Только полным незнанием с русским социалистическим и революционным движением до войны и во время войны и незнанием истории большевистской партии и непониманием сущности большевизма можно объяснить то, что составители сборника «Германия и русская революция 1915-1918» и его редактор Земан уделили в нем гораздо больше места числившемуся в эсэрах некоему Цивину-Вайсу, никогда ни до войны и революции, ни после революции не игравшему никакой заметной роли в партии социалистов-революционеров, чем, напр., Радеку и Ганецкому, которые были в числе главных посредников между Лениным и Парвусом и официальными представителями центральных держав.

А. Литвак, один из лидеров еврейского социал-демократического «Бунда», который после объявления войны застрел в Цюрихе, рассказывает о Радеке в своих воспоминаниях (посмертное издание, вышедшее в Нью Йорке в 1949 году), что в августе 1914 г. туда же из Германии прибыл Карл Радек, который «имел очень плохую репутацию». Радек, с которым Литвак часто встречался, хвастался тогда, что у него есть связи с германскими генералами и австрийскими министрами. «Он говорил о тайнах высокой политики, — пишет Литвак, — как человек интимно посвященный в них». Радек тогда был «интернационалистом» толка Мартова и Троцкого. В то же время он очень любил Австрию. Из его слов было ясно, что он хочет победы Австрии в войне. Сам Литвак был тогда искренним интернационалистом и противником войны. «В Цюрихе был момент, — пишет он, — когда не только мне одному казалось, что Радек готов был активно содействовать официальной Австрии в осуществлении ее политических планов. Радек много рассказывал о Парвусе, по его словам очень способном человеке, но распущенном, нечистом на руку и нечестном с женщинами. Радек отлично знал его со всеми его недостатками, однако говорил о нем с большой теплотой. Даже о его недостатках он говорил добродушно, как говорят о недостатках человека, которого любят. Мне казалось, что причина этого теплого чувства к Парвусу была та, что в самом Радеке было много от Парвуса. Парвус состоял в близких сно-

шениях с германским правительством. По словам Радека, даже с германской армией. Как служащий у Парвуса работал Ганецкий-Фюрстенберг, и я должен прибавить, что Радек близко стоял к обоим, к Парвусу и Ганецкому». ⁴³

В своей статье в берлинском журнале «Der Monat» Земан признает, что есть доказательства, что Радек и Ганецкий были тесно связаны не только с Парвусом, как агентом Германии, но что имели и другие такие связи. Но он тут же находит для них некоторое оправдание. «Теоретически, — говорит он, — они были гражданами Австро-Венгрии, которые не имели оснований заботливо избегать контакта с центральными державами». Тут, во-первых, фактическая ошибка: Ганецкий, родом из русской Польши, был не австрийским, а русским подданным. Во-вторых, оба они ведь выдавали себя за революционных социалистов, за самых последовательных интернационалистов, оставшихся верными идеям Карла Маркса и Интернационала. Только совершенным незнанием истории большевистской партии и непониманием сущности большевизма можно объяснить следующее заявление авторов или автора «Введения» к книге «Германия и русская революция 1915-1918 г.»: «Среди документов министерства иностранных дел нет доказательств, что Ленин, человек осторожный, был в непосредственном контакте с какой-либо германской агентурой. Насколько он знал о деятельности людей окружавших его — трудно сказать». В своей статье в «Der Monat» Земан пишет, что сношения с немцами в 1917 г. переняли Платен, Радек Ганецкий, Григорий Шкловский и другие «люди второго разряда, с ведома или без ведома Ленина». На этом основании большевизанствующие и мало осведомленные или просто политически невежественные рецензенты книги «Германия и русская революция 1915-1918 г.» в целом ряде серьезных английских и американских газет и журналов уже писали, что якобы не установлено, что Ленин и его партия были связаны с Германией и получали от нее огромные суммы. А один очень серьезный американец договорился даже до того, что если и доказано, что немцы дали большевикам большие суммы денег, то не доказано, что эти деньги попали в руки Ленина. Если это не попытка «обелить» Ленина, то это просто сверхъестественная глупость. Конечно, Ленин не встречался ни с Вильгельмом II, ни с Людендорфом и не договаривался

⁴³ А. Литвак, Собрание сочинений (на идиш). Нью Йорк, 1945, стр. 245, 252, 256.

лично с канцлером Бетманом-Гольвегом и не получал от них ящиков с золотыми германскими марками или с русскими государственными ассигнациями. Ленин лично ведь не участвовал ни в «экспроприациях», которые большевистские «бовевики» с ведома Ленина производили в годы первой революции, пересылая ему награбленные деньги. Ленин тоже лично не участвовал и в вооруженном восстании, организованном по его настоянию, которое привело его к власти. Но большевистская партия **никогда ни одного шага не сделала без его ведома**, больше того, он всегда был инициатором всех решений и выступлений партии. Правительство Вильгельма II давало деньги не отдельным большевикам, «окружавшим» Ленина, но именно **партии**, а Ленин всегда был ее абсолютным диктатором. Никто никогда не действовал от его имени, не будучи заранее уполномоченным на это Лениным.

11

Вскоре после захвата власти большевиками и заключения ими перемирия с Германией, между Парвусом и германским правительством и высшим военным командованием возникли серьезные разногласия о форме мирных переговоров с большевистской властью. Парвус (как и лидеры германской социал-демократии Эберт, Шейдеман и некоторые другие лидеры большинства Рейхстага) настаивал на переговорах между парламентариями обеих сторон в нейтральной стране. Радек, Ганецкий и Воровский сначала поддерживали в этом Парвуса. С середины ноября до Рождества Парвус был в Стокгольме и был в постоянном контакте с Радеком и Ганецким. Их явная цель была обойти и правительство кайзера, чтобы таким образом подорвать его силу. Иначе говоря, они хотели свергнуть германское правительство по возможности скорее вместо того, чтобы ждать, когда в Германии вспыхнет революция. Но германское правительство и высшее военное командование на это не пошли. Мирные переговоры произошли в Брест-Литовске, в главной квартире германских восточных армий. Там же был и подписан мир. В декабре, как это видно из германских документов, германское министерство иностранных дел старалось, насколько это было возможно, держать Парвуса подальше от его друзей Радека и Ганецкого. Это германским дипломатам в конце-концов удалось. Хотя Парвус и после декабря 1917 года поддерживал сношения с германским министерством иностранных дел, но прежнего взаимного доверия

между ними уже больше не было.⁴⁴ Об этом подробно рассказано в секретном меморандуме министру Бергену советника германского посольства в Стокгольме фон Ритцлера от 24-го декабря 1917 г.

«Когда Парвус прибыл сюда (в Стокгольм) в середине ноября — гласит меморандум, — он сначала наверное верил в возможность и целесообразность (международной) социалистической конференции. Датское предложение созвать такую конференцию (которое пока не дало никаких результатов и забыто теперь) надо рассматривать как результат его усилий и то же самое верно насчет первоначального положительного отношения германских социал-демократов к идее конференции. Различные аспекты его (Парвуса) деятельности здесь были в действительности не совсем ясны. Кроме его желания созыва социалистической конференции, он также надеялся, что переговоры будут перенесены сюда или в Копенгаген, так что он в состоянии будет употребить свое влияние, чтобы контролировать их на обеих сторонах. Как далеко идет его влияние на русских социалистов (большевиков, конечно — Д. Ш.) не ясно. Он сам сначала с нетерпением ждал вестей на этот счет, и теперь он думает, что Троцкий открыто и активно против него, а Ленин нейтрален, но что «меньшие величины» (среди большевиков — Д. Ш.) на его стороне. Его предположение насчет Троцкого безусловно верно, но возможно, что и Ленин против него и что он переоценивает доверие Радека и Воровского к нему. Он утверждает, что никто из них не делает шагу без его ведома. Я совершенно точно узнал, что он всецело ошибается в своих предположениях. Воровский крайне подозрительно относится к нему и говорит, что никто на самом деле ему не доверяет. Доктор Гельфанд теперь работает, чтобы укрепить свою позицию в России с помощью «унтер-офицеров», вопреки Ленину и Троцкому и даже против них, если понадобится. При этих обстоятельствах... я должен был его устранить от всех вопросов, касающихся методов ведения переговоров. Во всех остальных вопросах, где его интересы идут параллельно с нашими, он очень ценен, благодаря его большим практическим и политическим способностям, его исключительному знанию революционной России и силе его личности. Его совет и помощь могут быть чрезвычайно ценны».⁴⁵

⁴⁴ Zeman. Verbündete Wieder Willen, "Der Monat", September, 1958.

⁴⁵ Germany and the Russian Revolution, p.p. 109, 110.

Имя Троцкого почти не упоминается ни в документах, опубликованных в книге «Германия и русская революция 1915-1918 г.», ни в статье Земана в журнале «Der Monat», а между тем Троцкий, по крайней мере в 1917-1918 г.г. несомненно был соучастником германо-большевистского заговора. До войны Троцкий жил в Вене. Когда вспыхнула война, старый лидер австрийской социал-демократической партии, Виктор Адлер, помог Троцкому получить от австрийского правительства разрешение на выезд из Австрии для него самого и его семьи. Троцкий переехал в Цюрих. Там он опубликовал брошюру на немецком языке под заглавием «Война и Интернационал». В ней он резко критиковал, главным образом, немецких социал-демократов за их поддержку военной политики германского правительства. Но через несколько месяцев он переехал из Цюриха в Париж и там стал ближайшим сотрудником газетки «Голос», органа социалистов — противников войны. Позже, когда французское правительство закрыло «Голос», газета начала выходить под названием «Наше Слово» и Троцкий стал ее главным редактором. Ближайшими сотрудниками «Нашего Слова» были: Мартов, Луначарский, Покровский, Рязанов, Лозовский, Мануильский, Раковский, Антонов-Овсеенко и Павлович. Все они, за исключением Мартова, в 1917 г. примкнули к Ленину. Если Троцкий в Цюрихе нападал, главным образом, на германских социалистов, то в Париже всё острие его пера было со всей резкостью направлено против Франции и ее союзников. Старый друг Троцкого Л. Г. Дейч, прочитав статью Троцкого в «Нашем Слове», глубоко возмущенный ею, воскликнул: «Если б я так хорошо не знал Троцкого, то я не сомневался бы, что он подкуплен германским правительством». В конце 1916 г. «Наше Слово» было закрыто французским правительством, а Троцкий был выслан из Франции. Он уехал в Испанию, но и оттуда его выслали. Он переселился в Нью Йорк и здесь, в редактируемой им и Бухариным русской газете «Новый Мир» и в социалистических газетах и журналах на других языках, продолжал гнуть ту же самую линию. В Нью Йорке Троцкий рассказывал, что «Наше Слово» издавалось на средства главным образом Раковского. Вполне возможно, что Троцкий тогда не знал, что Раковский получал эти деньги от Парвуса. Но в июле 1917 г. Троцкий уже вне всякого сомнения знал, что все большевистские «Правды» («Окопная», «Солдатская» и др.), и весь огромный аппарат большевистской партии, финансируются германским правитель-

ством. В своей книге о Ленине, вышедшей в Москве в 1924 г., Троцкий будучи тогда еще всесильным военным комиссаром и членом Политбюро писал: «После июльского восстания Ленин мне сказал: 'Теперь они нас перестреляют. Самый для них подходящий момент'». К счастью, — пишет Троцкий, — «нашим врагам не хватало еще ни такой последовательности, ни такой решимости».⁴⁶

Троцкий, как и Ленин, хорошо знал, что за агитацию против Временного Правительства и за немедленный мир никто даже из русских умеренных либералов не потребовал бы расстрела Ленина и его ближайших соратников. Но Ленин, конечно, думал, что Временное Правительство получило в свои руки бесспорные доказательства, что большевистская партия получала от правительства Вильгельма II огромные суммы денег на разложение русской армии и усиление анархии в стране, чтобы таким образом привести к военному поражению России и к сепаратному миру. Троцкий тогда работал рука об руку с Лениным и для него не могло быть секретом, что Ганецкий и Радек, которые в Стокгольме являлись официальными представителями Ленина и большевистской партии, находятся в близкой связи с Парвусом. 10-го июля 1917 года в письме на имя Временного Правительства Троцкий открыто солидаризировался с Лениным и Зиновьевым, которые тогда были в бегах и скрывались. Троцкий был арестован, но во время корниловского восстания был освобожден из тюрьмы и стал лидером большевиков в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов. Он также был избран членом ЦК большевистской партии. Тогда он уже безусловно знал все секреты большевиков, и он не мог не знать о той помощи, которую германское правительство и генеральный штаб оказывали большевикам — раньше для свержения Временного Правительства, а потом для удержания большевиками власти в своих руках. В качестве первого комиссара по иностранным делам Троцкий не мог не быть в постоянной связи с тайными и явными представителями Германии. Он не мог не знать, что назначенный официальным представителем большевистского правительства в Стокгольме В. Воровский постоянно встречается там не только с Парвусом, но и с советником германского посольства фон Ритцлером. Об этом еще в 1928 году подробно рассказал Филипп Шейдеман в своих мемуарах. Самые крупные суммы большевики получали от

⁴⁶ Троцкий, О Ленине, Москва, 1924, стр. 58-59.

немцев уже после захвата ими власти, в конце 1917 г. и в 1918 г. вплоть до окончательного поражения Германии на Западном фронте. Троцкий, конечно, знал об этом, ибо тогда он был всемогущим военкомом и занимал в советском правительстве первое место после Ленина. Таким образом, если не с самого начала войны, то позже, Троцкий был одним из активных соучастников германо-большевистского заговора.

13

Когда 24-го апреля 1918 г. товарищ министра иностранных дел Буше на заседании германского Рейхстага объявил условия мира, выработанные в Брест-Литовске, председатель социал-демократической партии Филипп Шейдеман в своей речи сказал: «Невозможно начать дебаты о политическом положении, забывая о большой трагедии, постигшей Россию... Канцлер уже сказал нам, что русское правительство приняло условия, выработанные германским правительством. Это не было нашим намерением, намерением германской социал-демократической партии, привести Россию к теперешнему ее состоянию. Мы боролись за защиту нашего отечества против царизма. Мы продолжаем бороться против союзнической политики захватов, но мы не боремся за раздел России, не боремся за подавление независимости Бельгии... Мы считаем необходимым заявить перед всем миром, что политика, которая теперь ведется по отношению к России, не наша политика... Если наша (социал-демократическая) политика не была применена на Востоке, если там предприняты были шаги прямо противоположные нашему совету, шаги, которые по нашему убеждению кроме вреда ничего не принесут нашему народу, то русский большевизм в значительной степени способствовал этому. После поражения царизма на фронте, большевизм всецело разоружил Россию и не проявлял, во всяком случае в своих первоначальных стадиях, ни малейшего интереса к сохранению Российской империи. Он (большевизм) фактически играл на руку расчленению России».⁴⁷

Эдуард Бернштейн в своей выше цитированной статье в берлинском «Форвертсе» в 1921 г. обвинял Ленина, что он всецело был ответствен за позорный Брест-Литовский мир и за расчленение России, и что не заслуга Ленина и его товари-

⁴⁷ Scheideman. Memoirs of Social-Democrat, Vol. II, p. 451-452.

щей, что Брест-Литовский мир был позже аннулирован в результате победы союзников на западном фронте.⁴⁸

А через 18 лет, 2-го сентября 1939 года, другой известный германский социалдемократ Рудольф Гильфердинг, который в 1918 г. был одним из лидеров левых независимых социалистов, противников войны, писал в официальном органе германской социалдемократической партии «*Neue Vorwärts*», выходявшем тогда в Праге: «Ленин в марте 1917 года подписал Брест-Литовский мир с Германией, чтобы продолжить войну между Германией и Австрией с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, и чтобы обеспечить себе самому мир. Он сделал это, рискуя привести к победе реакционных Габсбургов и Гогенцоллернов над западными демократиями... Вмешательство Соед. Штатов Америки, «американского капитализма», как говорили вульгарные марксисты, вмешательство, которое тогда не могло быть предвидено, спасло его (Ленина) от этой опасности».

Ленин и его товарищи поступили как величайшие предатели не только по отношению к своей родине, к российской демократии, но и по отношению к мировой демократии и международному социализму. Циничное сотрудничество Ленина и большевистской партии с правительством Вильгельма II и германскими милитаристами принесло катастрофические результаты для всей Европы, сведя в большой степени на-нет огромные жертвы западных демократий в первой мировой войне и борьбу целых двух поколений русского освободительного движения. В этом же циничном сотрудничестве были заложены моральные основы позднейшего сталинского пакта с Гитлером, развязавшего вторую мировую войну, от которой погибли десятки миллионов людей. Конечно, вся правда о германско-большевистском заговоре 1917-1918 г.г. будет вскрыта только тогда, когда откроются архивы Центрального Комитета большевистской партии, если часть секретнейших документов, хранящихся там, не будет уничтожена или уже не унич-

⁴⁸ Напомним читателю, что по Брест-Литовскому договору Польша, Курляндия и Литва вместе с частями Лифляндии и Эстонии были объявлены окончательно отделившимися от России. Россия также обязывалась немедленно эвакуировать Финляндию, Балтийские провинции, Украину и Закавказье. Украина, как доказательство своей независимости, заключила сепаратный мир с Германией. Россия была расчленена. Кроме того, большевики еще обязались уплатить Германии огромную контрибуцию.

тожена. Но очень многое можно бы было выяснить и теперь, если бы документы германского министерства иностранных дел и германского посольства в Берне были тщательно изучены русскими исследователями, хорошо знакомыми с русским революционным движением и, в особенности, с историей большевизма и деятельностью большевиков как до революции, так и в 1917 и 1918 г.г. Г. Земан в заключении своей статьи в журнале «Der Monat» говорит, что историки несомненно попытаются на основании германских документов заново переписать историю русской революции. Но они должны будут при использовании этих ценнейших материалов быть крайне осторожны. С этим, пожалуй, можно согласиться.

Д. Шуб